

† Профессиональное кредо

ФИЛОСОФИЯ КАК ПРИЗВАНИЕ И ПРОФЕССИЯ (интервью с проф. В.Ж.Келле)

Резник Ю.М. Уважаемый Владислав Жанович!

Я необыкновенно рад нашей сегодняшней встрече, и, честно говоря, уже давно ее ждал. Вы являете собой поразительный феномен и образец активного долголетия. Вы вошли в историю отечественной науки и философии и оказали влияние на развитие многих поколений отечественных ученых.

Келле В.Ж. Я лично оцениваю себя более скромно.

Резник Ю.М. Прежде чем переходить к конкретным вопросам, хочу сказать, что мне, конечно, трудно быть объективным и независимым интервьюером, поскольку я также испытывал на себе Ваше влияние и питаю к Вам вполне объяснимое чувство симпатии. Но сегодня мне придется от этих эмоций постараться по возможности освободиться. Вопросы, которые я хочу Вам задать, могут носить несколько провокационный характер. Это необходимо, на мой взгляд, для того, чтобы наша дискуссия получилась более открытой и содержательной.

Вопрос первый, традиционный, который мы задаем практически всем гостям: где и как прошло ваше детство? Замечу, что в словаре «Философы России» записано, что вы родились в городе Вятке. Дальше нас интересует, кто ваши родители. Одним словом, если можно, расскажите более подробно об этом начальном периоде своей жизни.

Келле В.Ж. Да, я родился в Вятке. Дед мой по матери был ремесленником. Он золотил купола церквей. Имел довольно большой дом на тогдашней окраине города с флигелем и огородом. Семья была большая. У матери были еще два брата и три сестры. Отец мой по национальности латыш. Попал он в Вятку не по своей воле: был сослан туда за революционную деятельность в войсках еще до Октябрьской рево-

люции. Потом служил в Красной Армии. В 1925 году его направили в Среднюю Азию, в г. Самарканд. Он умер в 1928 г. от туберкулеза, несколько дней не дожив до своего тридцатилетия. Мы с матерью остались в Самарканде. В 1936 г. она умерла, и я остался один. Но за отца я получал пенсию до окончания образования. Это дало мне возможность продолжить учебу. Я вернулся в Вятку, ставшей уже г. Кировом, где жила одна из сестер матери. Она была актриса, работала в областном драматическом театре, и я поневоле приобщился к жизни артистов, в каникулы меня брали в их гастрольные поездки по Кировской области. Конечно, без родителей было трудно. Я рано стал самостоятельным. Среднюю школу закончил в 1938 году.

Это ведь был самый разгар «культы личности»?

Учтите, однако, что история многомерна. Да, Сталина прославляли, «врагов народа» клеймили. Но шумели на официальном уровне: в газетах, по радио, на собраниях. Мы, старшеклассники, сознавали, что любая самодеятельность здесь невозможна, т.е. что есть официальные позиции, которых мы обязаны придерживаться. И все-таки события в этой сфере происходили где-то там вдалеке от нас и поверх нас, хотя любой из нас мог попасть под жернова сталинских репрессий. Мы жили своей жизнью: учились, занимались спортом, любили. В нашем ближайшем окружении арестов я не помню. Конечно, мы были наивны и задавались вопросом, например, почему среди руководителей страны оказалось так много врагов. И ответа не находили.

Ваше идейное формирование происходило в довоенные и военные годы. Как вы считаете, кто больше всего повлиял на вас в эти годы, кто был вашим кумиром в плане духовном?

Я рано научился читать, любил читать и с детства много читал. Тогда издавалась прекрасная детская и юношеская литература. Конечно, сейчас ей могут поставить в пику, что она прославляла героиню революционной борьбы и гражданской войны, примером чему являются такие известные произведения, как «Красные дьяволята», «Как закалялась сталь». Но надо учитывать, что это была другая эпоха, к которой неправомерно подходить с сегодняшними, порой узкими и весьма заидеологизированными мерками.

Поскольку моего чтения никто не направлял, я формировался, так сказать, спонтанно. И у меня не было постоянных кумиров. Ими оказывались герои прочитанных книг, а мои литературные увлечения менялись вместе с возрастом. Когда же мои взгляды более или менее опреде-

лились, могу сказать, что больше всего я преклонялся перед теми великими, для кого реальными высшими ценностями были свобода, истина и справедливость. Может, звучит несколько патетически, но это так.

А что вы читали в то время? Какое место в Вашем чтении занимала классика? Может быть, припомните?

Когда мне было лет 10-11, я прикоснулся к Пушкину. А было это так. У моей матери была подруга, очень интеллигентная женщина, не просто влюбленная в пушкинскую эпоху, но до деталей знающая ее, как и все окружение великого поэта. И фамилия у нее была такая историческая — Милославская и сына своего она назвала Юрием. Мы много вечеров проводили у них, и я слушал ее рассказы. Тогда я возненавидел Дантеса и всех клеветников, терзавших Пушкина, прочитал все его произведения, которые были мне доступны. Первым крупным произведением Толстого, которое я прочитал несколько позже, было «Детство, отрочество, юность». Я обожал Гоголя, очень переживал за Лермонтова, любил Тургенева. В общем, классика в моем чтении занимала определенное место. Но меня привлекала и литература приключенческая, и фантастика. Обычное мальчишеское чтение. Для примера: я прочитал почти всего Фенимора Купера, Жюль Верна, а из русских фантастов — Беляева. Я не мог отдать предпочтение чему-то одному. И учился ровно почти по всем предметам.

Но круглым отличником ведь не были?

Нет, как раз был круглым отличником. Я помню, учитель физики в 10 классе поручил мне доклад по книге Вальтера об исследовании атома, а это выходило за рамки школьной программы. Но я также любил заниматься химией, увлекался историей.

Очень разносторонние интересы. Тогда ведь ничто еще не предвещало, что вы пойдете в философию.

В выборе философии большую роль сыграл учитель истории Филипп Алексеевич Рябов. Он очень много занимался с нашим классом. Мне он начал давать для чтения произведения классиков марксизма, а потом спрашивал, что из них я усвоил.

В какое же время это происходило?

Это было в 1937-1938 гг. Я прочитал тогда некоторые главы «Анти-Дюринга» и «Происхождения семьи...», некоторые работы Ленина. Меня все это увлекало. Кроме того, окончание мной десятилетки совпало с открытием философского факультета Московского института истории, философии и литературы, знаменитого МИФЛИ.

У меня есть к Вам еще вопрос, связанный с выбором профессии. Почему Вы все-таки решили стать философом? Помимо влияния Вашего учителя истории, были ли еще какие-то внутренние импульсы, интенции к тому, чтобы стать философом? Для вас тогда, как и для большинства из нас, кто выбрал эту профессию, рисовалась не только загадочная и романтическая, но и сложная, труднодостижимая профессия.

Да, загадочная и сложная духовная сфера, вы правы. Это тоже было одним из мотивов. Познать тайны жизни человека, жизни социальной, проникнуть в будущее человечества. Конечно, сильное впечатление на меня тогда произвели марксистские работы. Интересно было узнать, что открыты законы истории, что мы можем прогнозировать развитие общества, что люди сами делают свою историю и, руководствуясь знанием ее законов, могут найти оптимальные пути движения вперед. Поэтому от знания истории, знания реальности, знания законов действительности зависит успех деятельности людей в истории. Если я хочу что-то делать, я должен знать, ну а философия, в моем тогдашнем представлении, олицетворяла собой самое глубокое знание реальности. Конечно, много было и фантазий, и элементарной наивности во всем этом, но познание человека, познание общества меня больше и больше интересовало и увлекало.

Владислав Жанович, представьте себе, что сегодня, по истечении многих лет и десятилетий, Вам пришлось бы заново выбирать профессию. Скажите, пожалуйста, Вы еще раз выбрали бы философию?

Я как-то об этом не думал. Так уж сложилась моя жизнь. В школе у меня был друг. Мы одновременно закончили школу. Я пошел на философский факультет, а он — на физический.

Вы, как отличник, без экзаменов поступали?

Конечно. Поэтому для меня открыто было все, я мог подавать, куда хотел. Но почему-то на физический факультет меня не тянуло. Может быть, потому, что по складу своему я больше гуманитарий. А, может быть, широта интересов, отсутствие увлеченности чем-то конкретным меня и подтолкнули к выбору философии.

Не является ли, с Вашей точки зрения, эта склонность к широкому, обобщающему взгляду на мир отличительной чертой профессии философа?

Безусловно.

Многие спрашивают, вот философ — кто он, прежде всего? Чем определяются его менталитет, взгляды на мир?

И философские системы, и философы очень разные. Но что-то их объединяет. Думаю, что для подлинных философов характерна любовь к мудрости, стремление понять человека и мир, в котором он живет.

Некоторая системность в мировоззрении, да? В начале несколько наивная, а потом...

При чем тут системность? Я так вопрос не ставил: система или не система. Проникновение в сущность бытия — вот изначальная проблема философии. И отсюда следует идти к пониманию конкретной реальности. И этот философский подход отвечал моим наклонностям. Я находил удовольствие в чтении книг, где рассматривались самые общие, фундаментальные проблемы философии. Но всегда полагал, что философия должна указывать путь выхода на конкретику, на познание конкретной реальности. Примеры такого подхода дает и Гегель. Вспомните, как он мастерски наглядно иллюстрировал самые абстрактные понятия и построения своей логики

Владислав Жанович, Вы — участник Великой Отечественной войны. Расскажите об этом важном периоде Вашей жизни. Думаю, нашим читателям это будет интересно.

Начало моей армейской биографии таково. 26 июня 1941-го я сдал последний экзамен за третий курс, 29 июня был уже в армии, а 10 июля — на фронте под Новоржевом. Как это получилось? В первые дни войны наверху возникла идея, что надо укрепить партийно-комсомольский костяк отступающих частей людьми, которые могли бы поднять дух солдат и воинскую дисциплину. В Москве была объявлена так называемая партийно-комсомольская мобилизация. Людей подбирали райкомы партии в основном из добровольцев. Может, я ошибаюсь, но, по-моему, в истории Великой Отечественной войны этот факт не нашел отражения. Между тем, многие студенты МИФЛИ как раз попали в армию через Сокольнический райком партии. Поскольку студенты не состояли на учете в военкомате, т.к. имели отсрочку, то в тот момент могли идти в армию только добровольно. Это было еще до появления ополчений. Последние были созданы позже, когда враг уже глубоко вторгся на территорию страны.

И как же сложилась ваша военная судьба?

Вначале я был простым солдатом. Дух я никому не укреплял, а служил в разведке дивизии на Северо-Западном фронте. Это была танковая дивизия. Танков в дивизии почти не осталось, и танкисты вое-

вали как пехота. Но это были кадровые военные и сражались они хорошо. И нас поддерживала артиллерия — бог войны. Хотя мы отступали, но отступали с тяжелыми боями, не бежали. Потом танкистов отозвали, а нашу разведгруппу передали в мотострелковый полк, где я служил до сентября, когда был ранен. После госпиталя в декабре 1941 г. я попал в так называемые Гороховецкие лагеря. Там формировались новые части, направляемые на фронт. Но поскольку я был все-таки образованным человеком, учился в институте, то меня сразу же сделали замполитом батареи ПТО (противотанковых орудий). Вскоре начался набор в артиллерийское училище. Я попал в этот набор и был направлен в Томск в эвакуированное туда Днепропетровское артиллерийское училище.

Интересно, после войны оно вернулось обратно в Днепропетровск или осталось там?

Его судьба мне неизвестна. Вполне возможно, вернулось. И так, я стал курсантом этого училища. По его окончании в ноябре 1942 года получил звание лейтенанта. Надо сказать, что нас обучали службе в артиллерии на конной тяге. Пушки таскали лошадки.

Так Вы и с лошадками пообщались?

Да, с лошадками я пообщался немало. Но это не помешало тому, что меня направили в формировавшуюся тогда 1-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию. Формировалась она на базе участвовавшей в боях десантной бригады. Ее пополнили и образовали дивизию.

Скажите, это первая воздушно-десантная дивизия в нашей армии?

Не знаю, была ли она вообще первой, но именовалась именно так. Гвардейская же потому, что бригада, на основе которой она создавалась, завоевала это звание в боях. Я был назначен командиром огневого взвода полковой артиллерии. Началась военная учеба. Нам выдали десантное обмундирование и учили технике десантирования, прыжкам с парашютом и многому другому.

Потрясающе! Надо сказать, у Вас была очень богатая и разнообразная военная биография.

Но потом наша дивизия понадобилась командованию для иных целей. Десантное обмундирование заменили обычным и где-то в конце февраля 1943 г. ее бросили на Северо-Западный фронт. Я оказался практически в тех же самых местах, где воевал в 1941 году. Только тогда мы отступали, а теперь наступали. Но тогда это был цветущий край, а теперь — пустынная, разоренная земля, кое-где на пепелищах тор-

чали печные трубы, от прошлых боев остались заброшенные окопы, а в них попадались человеческие кости и ржавые каски. Это было очень тяжелое зрелище. Кроме того, март, начало весны, холод, сырость, грязь, болота...

По сути дела, это было ровно 60 лет назад, если считать с марта 1942 по март 2002 годы.

Да. Тогда дивизия форсировала реку Ловать. Получил за это орден, кстати.

Какой?

Красной Звезды. Командир дивизии мне лично его вручал. Потом были кровавые «бои местного значения», в которых дивизию довольно сильно повыбили.

Но вам удалось пройти и даже ранений не было.

Да, мне тогда повезло. Командир другого взвода нашей батареи, мой товарищ, с которым мы вместе были в военном училище, такой интеллигентный мальчик, погиб. Остатки дивизии посадили в эшелоны и отправили под Харьков на переформирование. Там нас опять пополнили.

Но дивизия ведь осталась?

Да, дивизия сохранилась. Она потом вела еще многие бои. В одном московском лицее существует музей нашей дивизии, где отражен ее боевой путь. Осенью 1943-го она участвовала в форсировании Днепра южнее Кременчуга. А 15 ноября 1943 года меня второй раз ранило – в боях под Кривым Рогом. На этом моя армейская биография обрывается.

А какая рана была?

Мне разбило ногу.

И первая рана тоже была в ногу?

Тогда осколками мины мне перебило обе ноги, а второе ранение пулевое. Батарея стояла на прямой наводке, отбивали танковую атаку, попали под пулеметный обстрел. Опять госпиталь, откуда я вышел в конце марта 1944 года и вскоре оказался в Москве в резерве главного командования. В апреле 1944 г. уже существовал философский факультет МГУ, и он функционировал в Москве.

То есть в 1944 году МГУ вернулся из Ашхабада?

По-моему, он переехал в Москву раньше. Но в 1944 г. вышел приказ Сталина о возвращении на учебу студентов, ограниченно годных к строевой службе. Ослушаться было нельзя.

Народное хозяйство надо было восстанавливать, и Сталину нужны были квалифицированные кадры.

Да, уже подошло время, и я попал под этот приказ. В июне 1944 г. меня демобилизовали.

То есть с июня 1944 года для вас война закончилась?

Армия закончилась, а война еще продолжалась, и мы испытывали это. Но все же я начал студенческую жизнь. Поскольку между учебными планами философского факультета военного периода и тем, что было до войны, была значительная разница, оказалось, что у меня кое-что уже сдано за четвертый курс. Поэтому стал сдавать экстерном.

И сразу же перешли на пятый?

Да. И за пятый курс тоже сдал экстерном.

Это в каком же было году?

В том же 1944 году.

То есть, Вы хотите сказать, что в 1944 году вы уже практически закончили университет?

Именно так.

Вы первый, кого я знаю, кто за три с половиной года окончил полный курс философского факультета, да еще в такое тяжелое время.

В начале 1945 года я был принят в аспирантуру философского факультета.

Получается, что Ваша студенческая жизнь была несколько свернута в связи с экстернатом, в связи с войной. У вас не получилось полноценного студенчества. Практически главная учеба и освоение профессии, насколько я себе представляю, начались в аспирантуре.

Конечно, с точки зрения профессионализации время аспирантуры бесценно. Но и три довоенных года дали очень многое. В ИФЛИ была прекрасная профессура. Некоторые потом работали в МГУ.

Кто же преподавал в Ваши студенческие годы, в начале аспирантуры? Кто был в числе главных корифеев философии тогда?

Упомянуть можно многих: В МГУ работали В.Ф. Асмус, П.С. Попов, А.Н. Леонтьев – на грани философии и психологии, З.Я. Белецкий.

Кто же на Вас больше всего повлиял среди философов? Кого вы считаете своим учителем, научным руководителем?

Моим научным руководителем был З.Я. Белецкий. Меня и других аспирантов кафедры считали его учениками.

А Белецкий возглавлял в то время кафедру? Какую?

Зиновий Яковлевич возглавлял кафедру диалектического и исторического материализма МГУ. Ее сотрудники преподавали на всех факультетах.

Это была общеуниверситетская кафедра?

Да. З.Я. Белецкий рекомендовал мне тему кандидатской диссертации. Он считал, что ее следует посвятить философии Гегеля. Он знал, что я интересовался Гегелем, серьезно изучал его. И началось это еще до войны. В МИФЛИ курс истории философии нового времени у нас читал Борис Степанович Чернышов. Можно считать, что он был нашим проводником в мире классической философии. Он великолепно знал немецкую философию и решил заново перевести гегелевскую «Феноменологию духа», считая дореволюционный перевод устарелым. Взявшись за это дело, он организовал из числа студентов группу, которая должна была ему помогать в переводе. Я вошел в эту группу. Он с нами проводил отдельные занятия по Гегелю, учил нас, и я, действительно, уже тогда серьезно осваивал его философию. То, что я взялся писать диссертацию по Гегелю, не было случайностью.

Идея З.Я. Белецкого состояла в том, что всякая философия есть продукт конкретных условий определенной эпохи. Как считал сам Гегель, философия — это эпоха, выраженная в мыслях. Переиначивая это высказывание, Белецкий утверждал, что каждая философия отвечает на проблемы своего времени и в этом смысле принадлежит ему, а то, что она решает вечные проблемы — это уже другой вопрос. И по его мнению, философия Гегеля была выражением исторических особенностей Германии начала XIX века.

Над диссертацией я работал с интересом, читал и некоторые работы Гегеля, не переведенные на русский язык. В диссертации были две главные идеи. Одна — критический анализ характерного для Гегеля доминирования всеобщего над конкретным, единичным. Акцент на всеобщее, на возвеличение всеобщего в ущерб единичному, подавление и принижение единичного начала — это была его позиция, которая проявлялась в решении многих проблем. Так, личность он подчинял государству, философию ставил выше конкретных наук, духовное, как сфера всеобщего, у него довлело над материальным, единичным. Конечно, как диалектик Гегель не мог не утверждать единства общего и отдельного, но в этом единстве отдавал предпочтение всеобщему как активному творческому началу.

Вторая же мысль заключалась в том, что Гегель практически выступил идеологом прусского пути развития Германии. Дело в том, что главная проблема Германии того времени, ее национальное объединение, могла быть решена двумя путями — демократическим, снизу, и военно-бюрократическим, сверху. Главным претендентом на осуществление этого пути было Прусское государство. Утверждая его величие и историческое значение, Гегель, фактически, уже в начале века выступил как идеолог Прусского государства, а, следовательно, — объединения Германии под его эгидой. Как известно, Бисмарк объединил Германию, которая превратилась в «удлиненную Пруссию». Таковы основные идеи моей работы.

И чем же они не понравились?

Тем, что моя диссертация отражала взгляды Белецкого, которые подвергались критике со стороны «философского руководства».

То есть это фактически было выступление не столько против Вас, сколько против Белецкого и его идей.

Многие считали, что под влиянием Белецкого я неправильно интерпретировал Гегеля, не подчеркнул позитивных аспектов его философии. Это, действительно, так. Но я не искажил его и думаю, что и мой анализ имел право на существование.

За что мы ценили Белецкого? В сороковые годы идейная обстановка в стране была очень тяжелой. В этих условиях он имел мужество занимать какое-то подобие самостоятельной теоретической позиции, отличной от позиции «философского руководства». Можно сказать, что с сегодняшней точки зрения взгляды обеих сторон были далеко не корректны или даже ошибочны, но именно Белецкий играл тогда роль своеобразной оппозиции. Он читал лекции, вел семинары, но не хотел писать текстов, как Сократ. Тогда говорили, что так он поступает специально, поскольку как только он что-нибудь напишет, у него начнутся проблемы.

Так и посадят сразу же, да?

Может быть. Я знаю одну его статью, в которой ему удалось сделать невозможное. Впервые, на рубеже 40-50 гг. в «Вестнике Московского университета» вышла философская статья, в которой не было ни одной ссылки на Сталина. В те годы это было просто фантастикой.

Нет слов.

Как он только ухитрился? Я помню, один наш известный философ печатно критиковал за это его статью

Критика не по содержанию, а из-за отсутствия ссылок на Сталина.

Вот именно. Но резко критиковались и его взгляды. Я принимал не все его идеи и конкретные положения, но привлекало то, что в тех условиях он учил самостоятельно и критически мыслить.

Вы припоминаете тех, кто вместе с Вами учился в институте, на факультете, в аспирантуре? Кто из ныне известных философов, ученых работал тогда на факультете или представлен сегодня своими работами. Кого из них Вы помните? С кем вы больше всего общались. Кроме, разумеется, Ковальзона, о котором мы поговорим отдельно.

Вы задали сразу слишком много вопросов.

Ну вот, например, ваш курс кого подарил отечественной философии? Это, если не ошибаюсь, был выпуск 1944 года?

Не совсем так. Судьба студентов нашего довоенного курса была непростой. Война людей разбросала. На факультете восстанавливались в разные годы. И не все, кто пережил войну, возвращались в философию. Но назову некоторых бывших студентов нашего курса. В МГУ до сих пор работают В. Соколов, известный историк философии, этик С. Анисимов, логик М. Алексеев. Ю. Карпов работает в Академии госслужбы. Появляются тексты журналиста и публициста, бывшего переводчика в штабе маршала Жукова и автора работ о гитлеровском рейхе Л. Безыменского. На пенсии прекрасный историк философии, эрудит, читающий на многих европейских языках и двадцать лет проработавший в журнале «Вопросы философии» Ц. Арзаканьян.

Ушли из жизни преподававшие в университете В. Колацкий, Е. Куражковская, Ш. Герман, бывший директор ИИЕТ, член-корреспондент РАН С. Микулинский, преподаватель Историко-архивного института А. Вербин. Я назвал далеко не всех. Этот список можно продолжить.

Да, фамилии в философском мире известны. Я некоторых помню еще со студенческих лет.

В общем каких-то сверхвыдающихся на курсе не было.

Я с этим не совсем согласен. Ну, вот теперь вопрос о Вашем друге и коллеге Матвее Яковлевиче Ковальзоне. Когда Вы впервые с ним познакомились и как сложились Ваши с ним отношения? Почему Вы с ним стали такими редкими партнерами и соавторами?

Он окончил философский факультет в 1940 году.

То есть еще до войны.

Да. На фронте с первых дней войны, т.к. его часть стояла в Латвии. По-моему, он был ранен в 1942 году и демобилизован. Когда я

пришел в аспирантуру в 1945 г., он уже был на втором или третьем курсе аспирантуры.

Вы помните Вашу первую встречу? Что вас тогда сблизило?

Имя Ковальзона мне было известно еще до войны, когда я поступил на философский факультет МИФЛИ. Но наше реальное знакомство состоялось уже после войны в аспирантуре. Мы общались на семинарах, заседаниях кафедры, в дружеских компаниях. М.Я. Ковальзон уже всерьез занимался проблемами исторического материализма, сосредоточившись на анализе производства, его структуры, закономерностей развития. И хотя я готовил диссертацию по немецкой философии, проблемы, которые привлекали Ковальзона и которыми он делился с окружающими, были для меня интересными. Здесь сказывалось и то, что Ковальзон умел остро ставить вопросы, выявлять трудности и противоречия в рассматриваемой проблематике. И он сыграл роль в определении моих научных интересов.

В какой-то мере он был Вашим старшим коллегой?

Да, он и раньше начал преподавать. Первая попытка что-то создать совместно у нас была в конце 40-х — начале 50-х гг. Мы с М.Я. Ковальзоном тогда много беседовали, обдумывая происходящее, и обнаружили, что по многим теоретическим вопросам и в оценке жизненных ситуаций наши взгляды либо совпадают, либо достаточно близки. Мы были согласны и в том, что публикации по проблемам социальной философии в большинстве своем официозные, скучные, ничего не дают ни уму, ни сердцу, а это отвращает людей от проблематики, которая на самом деле весьма интересна, ибо речь идет о теоретическом осмыслении современных социальных реалий и исторического процесса в целом. Нужно было найти такую форму представления этой проблематики, которая могла бы заинтересовать читателя. Поскольку нас было двое, мы решили писать философский диалог и начали над ним работать. Но тогда у нас ничего не получилось.

Не получилось? Почему?

Не смогли найти нужного ключа. Не вышло, в общем. Наш замысел не удался. Фактически наше сотрудничество началось уже после моего возвращения из Китая.

А Вы ездили в Китай? Когда это было?

Я уехал в Китай в феврале 1952 года. Как раз, если следовать Вашему примеру исторических параллелей, пятьдесят лет назад.

Такие вот рубежные даты мы с Вами вспоминаем.

Это точно. Я преподавал философию в Народном Университете Китая почти три года. Вернулся в 1954 г., подготовив около ста преподавателей философии. Это учебное заведение готовило преподавателей по политэкономии, философии и некоторым другим дисциплинам для непартийных вузов и специалистов для государственных органов. До сих пор я переписываюсь с некоторыми сотрудниками кафедры философии, на которой я работал в Китае. Они меня помнят. А ведь прошло уже пятьдесят лет.

Интересно, я не знал об этом китайском периоде вашей жизни.

С Китаем меня многое связывает. Я был там несколько раз.

Невероятно, но пойдём дальше. Вы приехали из Китая как уже сложившийся философ, кандидат наук.

Да, опыта преподавания прибавилось

Как дальше развивалась Ваша научная судьба?

Учитывая мое «белецкианское» прошлое, работать на философский факультет меня не взяли. Но я не переживал. З.Я. Белецкого и всех, кого с ним связывали, еще раньше вышибли с факультета.

Ну, надеюсь, он в лагере не оказался?

Было близко к этому, но в лагере он не был. Однако, если бы власть имели противники Белецкого, то, конечно, они бы его посадили. Но он сумел каким-то образом найти защиту на самом верху и остаться в живых. Это было в сороковые годы, в период борьбы с космополитизмом. Вы знаете, что 1948-1949 годы — самые страшные годы, потому что могли в любой момент посадить.

Но в это время Вы уже работали на факультете?

Да, в 1947 году аспирантура закончилась, я защитил диссертацию, был оставлен на кафедре Белецкого и начал преподавать на философском факультете. Преподавал здесь до своей командировки в Китай.

До 1952 года?

Да.

Достаточно продолжительное время. И в 1954 году Вы возвращаетесь в Москву, но на факультет Вас уже не берут?

Да. Тогда как раз начали делить кафедры общественных наук. Образовали три философские кафедры: философского факультета, для гуманитарных и для естественных факультетов. Меня пригласили на эту последнюю. Заведующим кафедрой был физик по образованию Х.М. Фаталиев. Ему удалось создать дружный работающий коллектив. Это была прекрасная кафедра. Я вспоминаю годы работы на ка-

федре Фаталиева с большой теплотой, тем более что тогда на ней оказался и Ковальзон.

Он туда раньше поступил на работу, чем Вы?

Нет, приблизительно в одно время. Мы работали вместе на физическом факультете. Я преподавал диалектический материализм, а он читал исторический материализм.

Необыкновенно. Неужели это было одновременно?

Да, одновременно. Мы читали свои предметы на разных курсах. Преподавать философию физикам сложно. Мы выдержали испытание. А Ковальзон даже был упомянут в их шуточной опере «Архимед».

Это действительно очень сложно.

В общем, я проработал там семь лет: с 1955 до 1962 года. Это были и годы весьма плодотворного сотрудничества с Ковальзоном.

То есть у вас был небольшой перерыв в совместных научных занятиях, как раз на время поездки в Китай.

Да, был некоторый перерыв. Первая наша совместная статья «Категории исторического материализма» появилась в 1956 году в журнале «Вопросы философии».

Это, конечно, серьезная работа.

А потом мы стали готовить учебное пособие по историческому материализму. В 1959 году была опубликована наша монография «Формы общественного сознания». Там были интересные идеи. А в 1962 году в издательстве «Высшая школа» вышел курс лекций «Исторический материализм» объемом в 30 листов. В 1969 году появилось второе издание этого учебного пособия.

Жалею, что не попросил Вас захватить эти издания. А были ли в то время другие учебники по историческому материализму?

Был учебник по философии. Но и учебники по историческому материализму тоже были.

Какое впечатление произвел Ваш учебник?

Келле В.Ж.. Он пользовался популярностью. Были положительные отзывы. Уже в 1970-е годы мы написали «Очерк марксистской теории общества». Он был переведен на 12 языков. Но объем книги был меньше.

Вообще Ваше сотрудничество с Ковальзоном уникально. В словаре «Философы России» о Вас как и о Ковальзоне, говорится, что «работает в тесном соавторстве с тем-то». Кстати, если Вас сравнивать, какие различия были между Вами, или было абсолютное равенство во всем?

Конечно, нет. Что-то предлагал я, что-то он. Иногда нам пришлось спорить, друг друга убеждать. Я бы определил стиль нашей совместной работы как «диалоговый режим».

А как у Вас складывались отношения в области философии культуры и других областях?

Мы пришли к выводу, что в историческом материализме должна присутствовать тема культуры. На это обратил внимание Ковальзон, и я был согласен с тем, что это обогатит методологию исторического материализма.

И в то же самое время Вас нельзя назвать абсолютно похожими близнецами?

Нет. Большинство наших работ рождалось в ходе обсуждений, дискуссий. Они стимулировали творческую мысль.

Я хочу Вам задать неожиданный вопрос. Вас никогда не сравнивали с Марксом и Энгельсом?

Нет, такого не было.

То есть Вы вносили более или менее равномерный вклад в Вашу совместную научную работу?

Да, в нашем содружестве мы были равноправными. Но разница была. Кто-то лучше разбирался в одних проблемах, кто-то в других. Было и взаимное редактирование текстов.

При этом возрастная разница все же не сказывалась?

Нет. Нисколько.

Вопрос к Вам немного о другом, о Ваших увлечениях в детские годы и в зрелые годы. Какое влияние в то время оказала на Вас музыка? Что Вы любили слушать?

Мы с матерью жили очень скромно, возможности получить музыкальное образование я не имел. Но какое-то время играл в школьном оркестре на мандолине. Я упросил мать купить мне этот инструмент. И сейчас люблю слушать разную музыку — классику, джаз и пр.

Недавно по телевидению выступал Олег Лундстрем. Оказывается, он еще до войны уже руководил ансамблем джаза. Сегодня ему 90 лет, он в прекрасной форме, полон творческих планов. Любите ли Вы джаз — искусство импровизации, требующее богатого воображения и немалых познаний? Мне представляется, что именно этот музыкальный жанр в наибольшей степени соответствует складу творческих людей, ученых-гуманитариев.

Лундстрема я слушал еще до войны, когда джаз только входил в музыкальную культуру нашей страны. Бывал на концертах Цфасмана, Бени Гудмена. Да, я люблю джаз, но не считаю себя знатоком джаза. Музыка, шахматы, спорт занимали в моей жизни какое-то место.

Не могу не затронуть один личный вопрос. Как сложилась Ваша семейная жизнь, если без подробностей? В каком году Вы женились? Кто Ваша жена?

Женился я в 1944 году.

То есть в год окончания философского факультета?

Да. Я вышел из госпиталя и сразу женился. Первого апреля мы пошли с женой на один вечер, и когда речь зашла о нашей будущей свадьбе, мы сказали, что мы уже муж и жена. Все приняли это за первоапрельскую шутку.

А до этого Вы давно с ней встречались?

Я знал ее еще до войны.

То есть это было не кратковременное знакомство.

Нет, конечно. Это была моя первая жена. Мы разошлись в 1974 году.

Ваша жена Михайлова Ирина Борисовна, известный философ, доктор философских наук. Не возникают у Вас дома споры на философские темы? Удастся ли Вам ее убедить в своей правоте?

Ирина Борисовна — специалист в области гносеологии и методологии научного познания. У нас разные специализации. Поэтому философские споры, если они возникают, оказываются плодотворными. Но в основном каждый занимается своим делом.

Перейдем теперь к следующему этапу Вашей философской эволюции. Насколько я знаю, в 1962 году Вы ушли из МГУ и перешли на работу в Институт философии АН СССР. Вся Ваша дальнейшая научная жизнь связана с Академией наук. Давайте попытаемся вместе с Вами немного систематизировать Ваше философское и научное творчество. На отдельные периоды и временные интервалы мне не удалось разделить Вашу научную биографию, но я выделил три относительно взаимосвязанные линии Вашего научного развития.

Первая, собственно социально-философская линия продолжается, по крайней мере, если следовать по Вашим крупным работам, где-то с конца 50-х годов и до начала 80-х (по данному направлению вершиной Вашего творчества была, с моей точки зрения, «Теория и история», но я могу быть здесь субъективным).

Вторая ветвь, условно говоря, социологическая. Здесь Вы известны не только как человек, который участвовал в организации Советской социологической ассоциации, но и как специалист по социологии науки. Вышла масса публикаций, но особенно запомнилась мне Ваша монография «Наука как компонент социальной системы».

Третья ветвь наметилась, наверное, даже не в 90-е годы, а значительно раньше. Речь идет о Вашем увлечении исследованием культуры.

Согласны ли Вы с такой детализацией Ваше научного творчества?

Да, в целом согласен. Я уже говорил, что мы с Ковальзоном включили культуру в проблематику исторического материализма, рассматривая ее как фактор исторического развития. А раз есть культура, то должна быть и личность, как ее творец и носитель.

Но у Вас ведь, помимо этих генеральных ветвей, были, наверное, и другие, «побочные» ветви и результаты творчества.

Конечно были. Мне часто приходилось размышлять, высказываться и писать на темы, которые подбрасывала сама жизнь.

Кстати, совсем недавно, просматривая свою библиотеку, я увидел сборник дискуссионных материалов «Деятельность: теории, методология, проблемы», вышедший отдельной брошюрой в серии «Над чем работают, о чем спорят философы» (М., 1990). Вы там выступаете три раза: сначала с докладом, затем в дискуссии, а затем по поводу критических замечаний. Интересно это читать.

Да, был специально выбран такой жанр. Хотелось обменяться мнениями, поспорить. Ведь в споре рождается истина. Но это не было побочной ветвью. Деятельность всегда занимала в моих работах одно из центральных мест. Если Вы помните, в «Теории и истории» мы выделяем целый раздел «Развитие общества как результат деятельности людей».

Теперь давайте, если можно, поподробнее остановимся на каждой из этих ветвей, особенно касаясь социально-философского аспекта Вашего творчества. Если откровенно, то какие достижения в области социальной философии Вы считаете наиболее значимыми для себя?

Во-первых, это своеобразная интерпретация исторического материализма с акцентом на методологию. В 50-е – 70-е годы теории исторического процесса рассматривались очень примитивно. Конкретный анализ подменялся примерами, «подтверждающими» общие положения. Из общего принципа выводились какие-то конкретные решения. Это одна важная вещь.

Второе – это выделение двух аспектов общественного сознания: познавательного и идеологического. Мы даже не представляли тогда, насколько глубоко и насколько перспективно было это выделение. Впервые оно прошло у нас в работе 1959 года. Первая глава посвящена этому. В работе «Теория и история» данная тема представлена в виде большого введения «О специфике общественного познания (философско-социологическое введение)».

Третье – это идея трех аспектов истории. Мы не сразу пришли к третьему аспекту. Если помните, речь идет о трактовке истории как истории индивидуального развития людей. До этого были выделены два аспекта: развитие общества как естественноисторический процесс и развитие общества как результат деятельности людей. Последний аспект был введен позже после длительных обсуждений.

А вот скажите, пожалуйста, идея о двойственной природе исторического материализма как социальной философии марксизма и как общесоциологической теории принадлежит Вам или она родилась еще раньше?

Насчет двойственной природы. А может, ее и нет. Почему социальная философия не может в рамках социологического знания выполнять функцию общесоциологической теории? Двойственность возникла потому, что некоторые авторы выводили исторический материализм за рамки философии, а другие считали, что это просто часть диалектического материализма.

Но сегодня Вы бы стали разделять социальную философию и теоретическую социологию?

Очевидно, что социология – самостоятельная наука, отличная от философии. Но исторически, в утверждении эмпирической социологии в нашей стране философия сыграла не последнюю роль. А то, что у нас сейчас пишут об общесоциологической теории, меня не очень устраивает. Однако здесь я бы не хотел обсуждать эту тему.

Когда я поступил на философский факультет в начале 80-х годов, то в то время социология как бы была искусственно разделена на три части. Одна часть, теоретическая, т.е. ее голова, находилась на кафедре исторического материализма; средний уровень – на кафедре теории научного коммунизма; все, извините, что «ниже пояса» читалось на кафедре методики и техники социологических исследований. Хотя я всегда тяготел к историческому материализму, мне, чтобы глубже разобраться в конкретной социологии, пришлось идти на отделение научного комму-

низма. Сегодня это многие считают для себя чуть ли не позорным пятном на своей научной биографии. Я благодарен судьбе за то, что мне удалось получить уникальное образование — образование в области научного коммунизма. Хочу отметить, что у нас были прекрасные преподаватели, прошедшие научную закалку на кафедре исторического материализма. Тогда социология среднего уровня развивалась именно специалистами по научному коммунизму, поскольку они занимались не только проблемами построения коммунизма, но и социологическими исследованиями современного советского общества. В конце 80-х годов отделение научного коммунизма было упразднено и на его базе возникло вначале отделение прикладной социологии, а затем после его выделения в отдельный факультет, отделение политологии. Так на практике подтвердилась идея о том, что научный коммунизм — это социально-политическая теория марксизма, включающая в себя и социологию современного общества, и политическую теорию.

Так вот, долгое время у нас были дискуссии по поводу предметного основания социологии как науки. Мы дискутировали по проблеме социального как предметной области социологии. Социологам, которые только начали теоретизировать на эти темы, по сути дела пришлось заново проходить научную школу, хотя многое уже было открыто в рамках социальной философии.

«Кафедральный» подход к социологии на философском факультете был обусловлен неправомерной задержкой у нас социологического образования. Между созданием Института конкретных социальных исследований и социологического факультета МГУ прошло 20 лет. А это все должно было происходить одновременно. Это один из наглядных примеров негативной роли душившего нас догматизма. Что касается научного коммунизма, то должен сказать, что академические социологи были категорически против его включения в структуру социологической науки. На это было много причин, о которых здесь не стоит распространяться. Их устраивала трактовка научного коммунизма как социально-политической концепции. Поэтому логично, что работавшие в этой области стали политологами.

Кстати, о двойственном статусе исторического материализма писал Владимир Семенович Барулин. Насколько близка его позиция к Вашей? Как вы относитесь к нему?

Да, Барулин — известный философ, автор многих работ. Но мы не во всем с ним совпадаем. Мы с Ковальзоном постоянно подчеркива-

ли, что исторический материализм — это теория общества в целом. А Барулин акцентировал внимание на сферах общественной жизни.

Резник Ю.М. Перейдем к следующему вопросу. Я не припомню, в каком году, но Вы вынуждены были перейти из Института философии в Институт истории естествознания и техники. Как это произошло?

Я был вынужден это сделать. Об этом я подробно говорил в интервью журналу «Вопросы философии» (2001. № 6).

А какие социальные или социально-психологические законы, обусловившие Ваш уход, сработали тогда?

Дело в том, что книги, которые отдел выпускал, не всеми официальными лицами воспринимались однозначно. У некоторых наши идеи вызывали раздражение и критику.

Вы возглавляли тогда Отдел исторического материализма Института философии. Сколько лет удалось Вам продержаться?

Это было с 1965 по 1975 год.

Достаточно много времени, чтобы успеть осуществить творческие замыслы.

Да, кое-что удалось сделать. Все книги, которые мы выпускали, мне лично нравились, и мы были в состоянии творческого подъема. Первые критические кампании отдел выдерживал. Были люди, которые нас поддерживали. В 1971 году после смерти директора института П.В. Копнина открылась возможность для усиления реакционных тенденций в институте.

Наше поколение этих людей, скорее всего, не знает.

В 1974 году у тогдашнего руководства появился официальный повод для расправы со мной и отделом. Один из его младших научных сотрудников подал заявление о выезде в Израиль. С этого началось.

Неужели в те времена существовали кланы в философии, своеобразная «мафия»?

Директор Института философии Б. С. Украинцев, партийное бюро института, выполняя поручения Московского горкома партии, переименовали наш отдел в «Отдел актуальных проблемы исторического материализма», что дало дирекции института формальное право объявить конкурс на всех его сотрудников. Меня сняли с должности заведующего отделом, дали строгий выговор и хотели даже исключить из партии. В этих условиях работать в Институте философии мне было уже невозможно.

Как могло случиться, что почти целое десятилетие во главе Института философии АН СССР были люди с реакционными взглядами?

Это вопрос не ко мне. Но ответ простой. Они были нужны системе. *И что же, отдел был расформирован?*

Да. Часть сотрудников разошлась по другим отделам, часть осталась, некоторых уволили, кто-то ушел из института сам. Я перешел в Институт истории естествознания и техники.

А почему Вы ушли именно туда?

Еще в конце 60-х гг. я стал заниматься социологией науки как дисциплиной на стыке науковедения и социологии. Уже тогда я при секторе создал небольшую социологическую группу, и мы провели эмпирическое исследование по всей Академии наук

Это произошло еще до ухода из Института философии?

Задолго. С дирекцией у меня тогда были прекрасные отношения, и она финансировала эту работу. Исследование проводилось совместно с Институтом истории естествознания и техники.

Но это была совершенно новая ветвь в вашей научной биографии, которая не связана с именем Ковальзона?

Да, здесь наши пути разошлись. Сначала это было для меня как хобби. А когда создали обстановку, в которой нормально работать мне было уже невозможно, я попросил перевести меня в другой институт, конечно, с согласия его директора, и социология науки стала моей основной специальностью. Зарплату я получал за работу в этой области.

Наверное, у каждого из нас такой период бывает. Мне это хорошо знакомо. Когда-нибудь я об этом напишу. А Вы имеете возможность сказать об этом сегодня.

Я перешел в Институт истории естествознания и техники в 1975 году. А в 1979 году получил сначала группу, а потом сектор. Когда с меня сняли все взыскания, все это было уже возможно.

Не сразу Вам дали возможность руководить. Тем не менее, об этом периоде Вашей жизни и научной биографии сложились хорошие впечатления у людей, работавших с Вами в одном секторе. Я впервые узнал о Вашем секторе от Наля Степановича Злобина, с которым, в свою очередь, я был знаком через Юрия Леонидовича Нестеренко, его друга и соавтора по многим работам. Был такой оригинальный философ и замечательный педагог, который оказал на меня большое влияние. Я считал его одним из своих научных руководителей.

Он был знаком с Вами и очень много мне рассказывал о Вас и Вашем секторе. Тогда я еще был аспирантом. Для меня тогда знакомство с Вами было недостижимой вершиной. Но зато много интересовался содержи-

ем Ваших дискуссий и совместных работ. Я знаю, что Вы часто собирались, спорили и что в секторе сложилась хорошая и творческая атмосфера. Сколько лет Вы его возглавляли?

Я ушел уже по возрасту где-то во второй половине 80-х.

То есть сектор существовал под Вашим руководством порядка восьми лет. Но Вы продолжали дальше работать?

Да, я передал сектор Мирской Елене Зиновьевне. Она известный социолог науки, работала в Ростове-на-Дону, а с конца 70-х — в Москве.

И вы ее подготовили?

Я был оппонентом на защите ее кандидатской диссертации. Она — совершенно блестящий знаток современной литературы по социологии науки плюс хороший эмпирик. Физик по образованию с философской аспирантурой, что дало ей четкое мышление и широкий кругозор.

И теперь, если позволите, поговорим о Вашем академическом статусе. Далеко не все заслуженные философы, которые представляют цвет нашей отечественной философии, являются членами Академии. Я понимаю, что этот вопрос не к Вам. Но как получилось, что Вы, при всех своих заслугах, известных работах и т.д., не попали в Академию. Почему Вас обошли? Или для вступления в Академию наук нужны какие-то другие качества?

Ну, не знаю, в разные периоды было по-разному. Но когда я был в расцвете, так сказать, своих сил, для моего вступления в Академию, не было предпосылок. Я подавал документы на выборы.

То есть у Вас были попытки вступить в Академию?

Да, были попытки, но меня не выбрали.

Чем же Вы это объясняете, безотносительно к себе? Я не думаю, что у Вас были такие мощные враги.

Я, думаю, были. Но я не карьерный человек и всегда оценивал себя очень скромно, поэтому на моем здоровье это не сказывалось. Многие, провалившись на выборах, сильно переживали, а я спокойствия не терял: раз так сложилось, значит, я не приложил к этому достаточно усилий, не проявил себя должным образом или мало работ еще написал, или там еще что-то. Не знаю. Но, думаю, в каждом конкретном случае причины были, чтобы кого-то предпочли вместо меня. Никаких по этому поводу негативных эмоций у меня не возникало.

Но это было где-то в восьмидесятые годы, а затем?

Это было в семидесятые, а не в восьмидесятые годы. Даже немножко раньше, потому что в 1975 году, учитывая мои взыскания, вопрос

об Академии вообще не стоял, так что это было на рубеже шестидесятых и семидесятых годов. Но у меня не было достаточной поддержки. А потом я работал в области социологии науки. В общем, так и не сложилось.

Но вот Вы отметили, что не имели достаточной поддержки. Не является ли это обязательным требованием для будущего члена Академии, разумеется, помимо всего остального?

Поддержка, несомненно, нужна. Она достигается либо тем, что нарабатаны связи, либо действительно блестящей научной работой, которая ни у кого не вызывает сомнений.

Сегодня средний возраст членов нашего отделения выше шестидесяти семи лет, а академиков — и того больше. Как Вы сейчас оцениваете ситуацию в отделении в целом и в социальных науках, в частности?

Как я оцениваю? Я считаю, что философская часть Отделения философии, социологии, психологии и права сейчас, конечно, значительные усилилась. Ее уровень повысился в теоретическом отношении, да и в отношении нравственном. Членами Академии стали новые люди, достойные этого звания, и это укрепило Отделение. О других направлениях не могу судить. Что же касается молодежи, то это болезнь всей нашей науки и Российской академии наук. Проблема молодежи действительно является крайне острой.

То есть проблема будущего в РАН остро существует?

Да, проблема будущего, проблема научной преемственности. Потому что если молодежь не пойдет в науку, то РАН очень скоро прекратит свою деятельность.

Но ведь она уже не идет, и мы это прекрасно знаем.

Да, она не идет, но все-таки, с другой стороны, какой-то небольшой приток ее есть, причем в разных областях по-разному. Так, растет смена в некоторых физических институтах.

Это наши соседи по научному фронту. А как развивается ситуация на поприще социально-гуманитарных наук? Здесь Вы видите какие-то островки будущего, есть у нас шанс выжить?

Я думаю, что сейчас много молодых философов.

Но, наверное, не так много, как хотелось бы. И это все опять по сравнению с другими дисциплинами. Есть еще масса институтских структур, в которых эта проблема стоит еще более остро.

Эту тему можно обсуждать, имея в руках конкретные данные. А без них трудно сказать что-то определенное. Конечно, есть институты и есть

направления, которые будут постепенно гибнуть. Это бесспорно. Но важно сохранить кадровое ядро научных дисциплин, чтобы оставалась какая-то база для их возрождения и подготовки специалистов.

Спасибо. И, наконец, завершающие вопросы. Тут у меня сразу два вопроса, связанные с Вашими позициями учителя и научного руководителя. Все-таки, откровенно говоря, Вы очень скромно себя оцениваете. Вы гораздо скромнее, чем окружающие, и это, наверно, хорошо, но в то же самое время существует разрыв между Вами как реальным ученым и Вашими самооценками.

Как вы считаете, все-таки у Вас есть своя научная школа?

Думаю, что нет.

А что же имеется? Направление, концепция, группа?

У меня есть какие-то идеи, направления исследований и области, которые меня интересуют. Я не работал только в области социальной философии, как, например, Владимир Семенович Барулин, хотя и он разнообразит свою тематику. Сейчас я занимаюсь проблемами цивилизации, культуры, личности, а это и социальная философия, и философия культуры, и культурология и так далее. Для меня это нечто новое, а для окружающих я в этой области «прозелит» вроде бы, не традиционный культуролог. И в социальной философии мой голос уже не столь авторитетен. Все это следствие того, что была прервана естественная преемственность моих научных занятий, когда разогнали отдел исторического материализма и я перешел работать в совершенно другую область.

Но вот в этот период Вы успели подготовить хотя бы несколько учеников.

Я знаю, что многие считают себя моими учениками.

Ну, а кто непосредственно? Кого Вы и сами признаете в качестве учеников?

Ну, я сейчас не буду называть имена, но мне говорили, что мои лекции слушались с удовольствием, принимались многие мои идеи. В таком смысле люди считают себя моими учениками. А моей научной школы все-таки нет.

Получается, что Вы своим уходом прервали цепь научных событий, ведущих к образованию научной школы. Так ли это?

Вполне возможно.

Как бы одну ветвь Вы прервали. Она, может быть, не умерла, но, тем не менее, несколько угасла. Но затем началась новая ветвь и здесь у

Вас тоже не было достаточно времени, чтобы накопить научный потенциал и собрать вокруг себя достаточно много людей. И вот теперь наступил третий, условно говоря, культурологический, этап. И, может быть, на этот раз Вам повезет больше. Кстати, когда Вы перешли в Институт человека РАН?

Это было в 1994 году. Почти двадцать лет я проработал в прежнем институте. И до сих пор поддерживаю с ним связь.

Это очень много. Вы прожили в науке жизни многих поколений. Двадцать лет Вы были социологом науки, по преимуществу конечно, не забывая о своей социально-философской грани. Это почти целая жизнь в науке. И вот теперь с 1994 года, уже восемь лет, а скоро будет десятилетие, как вы работаете по другой проблематике. Почему именно Вы выбрали этот институт, с чем это связано?

Меня хорошо знал директор института Иван Тимофеевич Фролов. В течение нескольких лет мы с ним работали в журнале «Вопросы философии». Потом, в период перестройки И.Т. Фролов привлекал меня к работе по подготовке нового учебника философии.

И Вы, конечно, были в числе авторов философского словаря, изданного под его редакцией?

Конечно. У меня там много статей. Так вот, в 1994 году, несмотря на мой уже достаточно солидный возраст, он пригласил меня перейти к нему в институт, и я согласился.

Вы начали третий этап своей научной биографии.

Вы уникальный человек, таких существуют лишь единицы в современной России. Вы практически вместили три разные научные жизни в один свой данный Вам Богом век. Как Вам это удалось? Как Вы совмещаете в себе эти совершенно разные грани? И все-таки, если прислушаться к себе, что Вы выделяете, какая часть любимая, что Вам больше всего нравится?

Сейчас меня всерьез привлекают проблемы человека, личности, культуры.

То есть Вы живете тем, что у Вас есть в настоящее время? Но ведь это имеет какие-то истоки еще в Вашем историческом материализме, в теории истории?

Я уже говорил, что проблемами теории культуры, развития личности мы занимались еще вместе с Ковальзоном. Вместе с тем как науковед я знаю, что очень редко ученый сидит на одной теме всю жизнь. Обязательно происходит переход. И творческие люди, как правило, переходят в другие области.

Путешествуют. Переходят из одного мира в другой.

Безусловно. Это не есть нечто уникальное. Может быть, конечно, у меня переходы были слишком резкие. Но вообще в принципе творческие люди, люди науки всегда находятся в постоянном поиске.

Скажите, пожалуйста, научная судьба Вашего сына сложилась под Вашим влиянием? Насколько мне известно, он поздно защитил кандидатскую диссертацию. И он, в отличие от Вас, «естественник».

Да, он закончил физический факультет и начал работать в физике.

Как же удалось Вам на него повлиять и вовлечь в философию? Насколько я знаю, он занимается проблемами создания информационных технологий.

Он занимается системами, моделями, проблемой риска. В научном плане он совершенно самостоятелен. Я не мог на него влиять, ибо это не моя область.

Ну, духовную связь Вы с ним сохранили?

Безусловно. У нас сложились очень хорошие отношения, мы часто встречаемся. Потом он мне очень помог, когда я стал работать с компьютером. Если бы не он, я бы долго овладевал компьютером. Он блестящий компьютерщик. Когда у меня возникают какие-то вопросы, я всегда звоню ему.

Я вообще должен Вас поздравить. Вас, наверное, можно в книгу рекордов Гиннеса внести. Ведь в Вашем солидном возрасте людей, работающих на компьютере, наверное, нет. Вы единственный, кого я знаю среди именитых философов, кто так быстро и относительно легко освоил технологию пользования компьютером.

И, наконец, один из последних вопросов. Я задаю его тоже с некоторым провокационным замыслом. Представьте себе, что Вам еще нужно прожить восемьдесят лет. Есть такие люди, которые живут по сто пятьдесят лет и больше. Как бы Вы распределили свое время в оставшиеся восемьдесят лет?

Они, конечно, являются чистой фантастикой.

Ну, предположим. Три жизни в науке Вы уже прожили. Сейчас живете четвертую. В какую область науки Вы бы пошли дальше?

А дальше, пожалуй, никуда я бы не пошел, а остановился на комплексном познании человека. Что такое человек? Его можно настроить и так, и эдак. Чем больше мы занимаемся проблемами человека, его мышлением, тем это становится интереснее, тем больше находит-

ся тайн. Сократовское «познай самого себя» остается вечной и главной проблемой науки и философии.

Владислав Жанович! Конечно, я не удержусь от еще одного вопроса этической направленности. Есть ли в Вашей жизни такие события, такие поступки, за которые Вам сегодня стыдно? Я имею в виду в сфере Вашей общественно-научной деятельности.

Конечно.

И поступки, которые Вы не можете себе простить?

Есть, конечно. Я к себе вообще достаточно критичен, и существует ряд вещей, которые я сам себе не могу простить.

Но, насколько я знаю мнение окружающих о Вас, многие отзываются о Вас не только хорошо, но и с глубоким уважением. Вас считают очень мудрым, принципиальным и сдержанным человеком. Я практически не встречал Ваших недоброжелателей или тех людей, кто говорил бы что-то плохое о Вас. И я думаю, что это не только потому, что Вы так много сделали для отечественной философии, но и, как мне кажется, еще и то, что Вы собирали вокруг себя замечательных ученых. Для этого нужно обладать не только профессиональным талантом, но и великолепными дипломатическими способностями.

Я люблю талантливых людей.

Вот в этом, наверное, и кроется секрет Вашего успеха. Есть руководители, которые боятся сильных и продвинутых, я уж не говорю, просто талантливых людей. А Вы можете себе это позволить. Ведь для этого нужна немалая смелость. Кроме того, надо иметь большое терпение, чтобы «возиться» с талантами, терпеть их капризы. Ведь почти все талантливые люди очень капризны. И тем не менее, Вы нашли в себе ту необходимую широту души, возможность увидеть их на своем поприще научной деятельности, найти им достойное место.

Сейчас много говорят о толерантности. Нам ее не хватает. Мне удалось тогда собрать коллектив, потому что я считал нужным проявлять к людям терпимость, если человек не переходил какой-то грани.

Это Вам, действительно, удалось. И если уж говорить о школе, то я позволю себе здесь, опять-таки с некоторыми, на Ваш взгляд, преувеличениями, но совершенно искренне, на мой взгляд, сказать, что элементы научной школы у Вас были. Они складывались тогда. К сожалению, не все получилось. Но начало школы Вами положено. И опять-таки, в силу определенных причин, еще есть время развернуться здесь, в Институте человека РАН, чтобы завершить начатое дело своей жизни. Бла-

го, имеются люди и тематика такая, которую можно было бы разрабатывать дальше. Но опять над нами сгущаются тучи. Опять ставится вопрос о судьбе Института человека.

Самый последний вопрос к Вам. Что бы Вы хотели сказать тем людям, которые принимают сегодня решение относительно судьбы и места Института человека в системе Академии? Какие бы Вы привели аргументы в пользу существования этого института сегодня?

Институт человека — нечто необычное, оригинальное в структуре Академии. И как всякое оригинальное, он вызывает негативную реакцию у консервативно или прагматически настроенных людей. Поэтому могут найтись функционеры, которые пожелают этот институт закрыть. Но это будет огромная ошибка для всей Академии, потому что этот институт был очень ценным приобретением и вообще то, что Фролов сумел его открыть, — большая заслуга той же Академии наук.

Но Вы вообще не считаете, что он создан под конкретную личность и вместе с личностью должно уйти?

Нет. Это не так. Конечно, Фролов долгое время боролся за создание института и, безусловно, это, прежде всего, его заслуга, но не один он выдвигал идею Института человека. Были и другие люди. Фролову удалось это, но он отнюдь не считал, что вместе с ним должен уйти в небытие и институт. Тем более, что он нашел свою проблемную нишу, успешно работает, у него открываются новые исследовательские перспективы и он нужен стране и науке. И если сегодня находятся люди, которые под разными, совершенно второстепенными предложениями пытаются это наследие уничтожить, нужно поставить преграды их реакционным поползновениям.

Может быть, нам написать какое-то обращение? Коллективное.

Конечно, нельзя сидеть сложа руки, проявлять пассивность в этом вопросе. Мы должны действовать и очень активно.

Ну что ж, уважаемый Владислав Жанович, я очень доволен нашей сегодняшней беседой. Признаюсь честно, у меня к Вам гораздо больше вопросов. Я старался, как Вы меня просили, быть сдержанным в оценках и суждениях.

Большое Вам спасибо.